

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: МИФ ИЛИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА?

В.А. Медведев

Медведев
Вячеслав
Альбертович
аспирант УрГУ

E-mail:
MVAmet@yandex.ru

Современный этап развития познавательного процесса осуществляется в ходе воспроизводства и развития комплексной, многоуровневой инфраструктуры эпистемологических практик. Это когнитивная сфера, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные уровни, дисциплины, векторы актуализации познавательного процесса. Эпистемологическое пространство науки, особенности его структурирования, воспроизводства, развития оказываются в данном контексте очень интересным и многогранным предметом методологического исследования, один из фрагментов которого, будучи тематическим «полотном» данной научной статьи, связан с вопросами дисциплинарной дифференциации фундаментальной науки.¹

В литературе по методологии науки существуют различные подходы к определению научной дисциплины, которым, в свою очередь, соответствуют различные теоретические модели определения конкретных наук. Для примера имеет смысл обратиться к одной из возможных трактовок социологии как науки. В самых общих чертах она характеризуется как наука о типичных проявлениях жизни общества в контексте воспроизводства и развития функционально интегрированных в пределах качественной обусловленности «социального» процессов и явлений, которые опосредуют структурирование и содержательное наполнение пространства человеческой жизнедеятельности. Эта трактовка отображает «некоторые» важные положения, относительно которых социология идентифицируется в качестве таковой². И в то же время подобное определение социологии не является исчерпывающим, во-первых, в силу его формальности и, во-вторых, из-за «расплывчатости» характеризующей в нем социологической проблематики.³

Идентификация науки осуществляется в этом случае относительно «ядра» соответствующей системы знания – интегративных параметров, которые в качестве наиболее общих признаков (социальность, типичность и прочие) формируют общее представление о научной дисциплине, исходя из предмета ее изучения, но в то же время не проявляют собой особенностей структурной, парадигмальной, тематической организации социологического познания. И это не случайно, поскольку знание и познание – это не одно и то же. Хотя эпистемологически научная дисциплина, действительно, является системой знания⁴, методологически она оказывается инфраструктурой методов, когнитивных стратегий, эпистемологических практик, то есть воспроизводимых и развивающихся способов формирования знания.

Идентификация научной дисциплины традиционно осуществляется исходя из предмета ее изучения. По-видимому, использование данного принципа является вполне оправданным. Однако, во-первых, по мере развития познавательного процесса меняется модель предмета науки⁵, а, во-вторых, опираясь на одну и ту же модель «предмета», научную дисциплину уместно концептуализировать и как результат, и как процесс формирования знания. А это опосредует проявление хотя и взаимосвязанных, но, тем не менее, различных представлений о конкретной науке, что требует от исследователя четкого понимания, какой стратегии концептуализации изучаемого объекта он придерживается, говоря о предмете, структуре и особенностях соответствующей научной дисциплины.

С точки зрения методологии наука интересна, прежде всего, как процесс развития эпистемологических практик. А это делает актуальным обращение к вопросу об изменении модели предмета научного изучения, тем более что данный вопрос имеет существенное значение в контексте определения критериев дисциплинарной дифференциации фундаментальной науки.

Различные эпистемологические структуры и, в частности, модель предмета науки преобразуются по мере эволюции научной рациональности. На современном этапе развития последней конститутивное методологическое значение приобретает принцип социокультурной обусловленности познания⁶, согласно которому научный факт оказывается социокультурным конструктом. И это имеет принципиальное значение с точки зрения идентификации предмета науки.

Предмет науки традиционно определяется в качестве фактологической области, изучение которой требует определенного методологического инструментария и является условием формирования идентичности соответствующей научной дисциплины. При этом в классической науке подобная «фактологическая область» идентифицируется в качестве устойчивого фрагмента объективно существующего и независимого от субъекта познания (исследователя, сообщества, человечества в целом) мира. В данном случае окружающий мир рассматривается в качестве «объективно заданного порядка вещей», к постижению которого наука стремится приблизиться, вырабатывая определенные методологические инструменты, теории и открывая на их основе объективные законы и принципы существования изучаемого объекта.

В то же время некоторый фрагмент действительности определяется как существующий постольку, поскольку имеет определенную конфигурацию, механизмы, законы воспроизводства, развития. Предмет науки разворачивается в виде системы координат, в которой определенным образом взаимодействуют объекты, явления, происходят процессы воспроизводства и развития данного фрагмента действительности. А поскольку подобная фактологическая область трактуется в классической науке как существующая безотносительно к субъекту познания и интегрирующей его дисциплине, названная система координат оказывается частным проявлением «объективно заданного порядка вещей», что, таким образом, онтологизирует предмет науки, позволяя говорить о, так называемом, «территориальном» принципе его выделения. Окружающий мир представляется в этом случае в качестве множества параметров, которые потенциально постижимы в виде характеризующих его фактов. Подобные «факты» делятся между различными отраслями познания, образуя соответствующие предмету каждой из них фактологические области, между которыми существуют границы, разделяющие (или объединяющие)⁷ разные научные дисциплины.⁸ Именно, в этом смысле различные исследователи констатируют сегодня факт «размывания» границ между разными научными дисциплинами.

Наука не открывает, а формирует систему координат, которая в этом смысле оказывается когнитивной моделью⁹, конституирующей параметры изучаемого наукой предмета, ее фактологической области. Это, конечно, не означает, будто наука работает с «симулякрами», которые сама же и конструирует, однако предполагает, что изучаемый ею объект дан в качестве референта не как таковой, а через призму определенной когнитивной модели.

Принцип социокультурной обусловленности познания означает, что наука в целом и каждая конкретная научная дисциплина работает в формируемой человеком системе координат, которая, подобно любому другому фрагменту

научного знания, сохраняет свою принадлежность научному дискурсу при условии открытости на предмет переоценки, развития, изменения. С точки зрения конституирования предмета научной дисциплины это означает замещение принципа «территориального» деления фактологических зон принципом сосуществования различных измерений онтологического пространства, каждое из которых концептуализируется посредством адекватной когнитивной модели и является самостоятельной фактологической областью.

С точки зрения развития научной рациональности, проблема конституирования научности познавательного процесса перемещается из плоскости ориентации на «заданный порядок вещей» в плоскость стремления соответствовать параметрам «господствующего» когнитивного дискурса. Исследователи в области «методологии науки» характеризуют этот процесс как формирование неклассической научной рациональности. Речь идет об изменении, которое, будучи по своей сути принципиальным, в исторической перспективе оказывается не более чем условием, переходным этапом между классическим и структурно иным, складывающимся в современной науке типом научной рациональности.

Неклассическое познание как таковое едва ли является идеалом научной рациональности. Это методологическая антитеза классическому познанию, которая способствует осознанию ограниченности «традиции», но не содержит в себе методологического ресурса для воспроизводства науки вне подобной традиции. Движение в русле неклассического познания ведет к низвержению, элиминации науки, как и любой другой формы институционализации познавательного процесса. А это означает, что развитие данного «направления» является условием осознания не только ограниченности классического типа рациональности, но в не меньшей степени востребованности методологических наработок, когнитивных структур, позволяющих, преодолевая подобную ограниченность, способствовать развитию когнитивной сферы как инфраструктуры эпистемологических практик.

Любая структура предполагает определенные принципы координации, интеграции ее составляющих. Инфраструктура эпистемологических практик, характеризующаяся как наука, когнитивная сфера, есть многоуровневое, иерархически и функционально дифференцированное, но при этом единое когнитивное целое, которое идентифицируется в качестве такового, а, тем более, воспроизводится, развивается за счет существования в нем интегративной системы координат. Речь идет о механизмах и принципах интеграции его составляющих в единое целое. В классической науке основанием подобной интеграции служит представление о «единстве бытия», единстве мироздания, устройство и законы

функционирования которого наука стремится открыть, постичь и научиться использовать. Разные научные дисциплины изучают различные фрагменты действительности. Но ведь это – фрагменты единого мироздания, следовательно, и знание о нем, процесс его «формирования» образует определенным образом упорядоченную когнитивную целостность.

Тезис, согласно которому принцип «единства мироздания» перестает быть интегративной методологической предпосылкой единства эпистемологических практик, еще не означает его (принципа) отрицания. Данный принцип сохраняет свою актуальность, но при этом за пределами классической научной рациональности он теряет интегративную функцию, так как осознание методологической укорененности эпистемологических практик в структуру исторически развивающихся когнитивных моделей требует искать основания интеграции не в объекте, а в способах взаимодействия «постигающих» его субъектов. Система координат, опосредующая подобное взаимодействие, формируется, воспроизводится, развивается самими исследователями.

Обращаясь к данному положению с позиции отрицания классического идеала научной рациональности (или противопоставления ему) наука, во-первых, лишается «онтологического» основания своей интеграции («заданный порядок вещей» как система координат). Во-вторых, она не имеет возможности сохранить верность себе, опираясь на критикуемую в подобном случае традицию. В-третьих, не имеет оснований для назначения определенного дискурса в качестве доминирующего, то есть являющегося общенаучной системой координат, поскольку это означало бы поступиться «научной честностью», следуя идеологическим принципам.¹⁰ Хорошим примером развития подобной эпистемологической линии являются результаты работы французских исследователей, характеризующиеся в качестве постмодернистской «традиции», американские наработки в области феноменологической социологии знания, «этнометодологии. Отдельно стоит упомянуть о «методологическом анархизме» П.Фейерабенда, концепции «онтологической относительности» У. Куайна, о наработках Франкфуртской школы в области обоснования «тоталитарности» научного дискурса («проект Просвещения»).

Последовательное отрицание классического идеала научной рациональности ведет, в конечном счете, к отрицанию структурности, многоуровневости научного дискурса. А это означает элиминацию науки как инфраструктуры эпистемологических практик и, по сути своей, является деструктивной тенденцией. Именно в этом смысле «неклассическое познание», будучи отдельным типом рациональности, в то же время не является идеалом научной рациональности.

1. В узком смысле термин «фундаментальная наука» применяется для обозначения блока естественнонаучных и математических дисциплин. В этом отношении необходимо отметить, что в данном контексте он используется в более широком значении, которое определяется оппозицией «фундаментальное – прикладное» научное знание и охватывает собой всю область конкретных дисциплин современной науки.

2. Ср.: Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // Социол. исслед. 2002. №8. С.106-113; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 1999. С. 14-37.

3. Не говоря уже о том, что суть любого определения заключается в его ограниченности контекстом.

4. Ср.: Поппер К. Объективное знание. М., 2002.

5. Не содержание, а, именно, модель предмета, которая напрямую зависит от понимания «факта» как эпистемологического образования и, в конечном счете, определяется типом научной рациональности.

6. См.: Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания. М., 1986. С. 4.

7. См.: Зборовский Г.Е. Еще раз о реальных проблемах современной социологии // Социол. исслед. 1999. №9. С.102.

8. Данная модель, безусловно, является схематичной и во многом упрощает процесс изучения окружающего мира в классической науке. Однако подобное «упрощение» касается деталей, нюансов, абстрагирование от которых не искажает сути вопроса.

9. Когнитивная модель – это структура теоретико-методологических принципов, определяющая видение субъектом познания предмета исследования, способы его концептуализации и горизонт когнитивного действия [ср.: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004]. Данный термин близок по смыслу конструкту «концептуальный каркас» [См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001], но в то же время не является его абсолютным эквивалентом, поскольку, будучи когнитивным образованием, имеет не только эпистемологический, но и онтологический статус.

10. См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Манхейм К. Идеология и утопия. Ч.1. М., 1992.